

ИСКРА СВЕТА САРАТОВСКОГО БРАТА ИЗ ПОЛТАВЫ

Всё знающая «Википедия» представляет современному читателю П.А. Устимовича: «Прокопий Адрианович Устимович (1.12.1838 – 3.7.1899, Курск) – действительный статский советник, почётный гражданин Курска. Выходец из малороссийских дворян, имевших владения в Полтавской, Ярославской и Курской губерниях, сын курского губернатора А. П. Устимовича. Окончил училище правоведения (1860). Будучи товарищем председателя Одесского окружного суда, был избран 7 января 1871 на должность первого всесословного головы г. Курска сроком на 4 года (право на участие в баллотировке получил от матери – курской домовладелицы Н. Г. Устимович). (...) Под псевдонимом Полтавин писал и публиковал стихи патриотического характера. Был Полтавским губернским предводителем дворянства. После отставки уехал в Саратов, где издавал журнал «Братская помощь», некоторое время жил в Вильно, был членом Виленской судебной палаты и лишь на старости лет возвратился в Курск, где и умер».

Не уточнила «Википедия», что «Братская помощь» – журнал монархической направленности, а «Саратовский дневник», как и большинство газет того времени, грешил либерализмом, вот и не стали журналисты рекламировать своего идейного противника.

Зато сам Прокопий Адрианович немало о себе рассказал на страницах «Братской помощи». Нет, он не публиковал хвалебных статей «о себе, любимом» (хотя сделал немало добрых дел), просто пришёл к слову, когда откликнулся в своих заметках на события городской жизни. Так, уже в первом номере своего журнала (вышел в свет 15 июля 1888 года) редактор поместил своё заявление в Саратовскую городскую Думу от 30 мая того же года, в котором он, рассуждая о том, что городское самоуправление устраивает в городском театре гастроли столичных актёров, вопрошал: «...не следовало бы установить известный сбор с цены билетов, оплачиваемых публикой в собраниях для общественных удовольствий». Своё право обращаться к властям с подобными предложениями заявитель мотивировал тем, что он, «будучи уже два года жителем Саратова и в качестве местного потребителя принося и свою лепту в пользу города», убеждён, что «весьма естественно и нормально должна бы казаться мысль, что, в то время, как за деньги более или менее значительные, одни пользуются общественными удовольствиями при содействии городского управления, другие, при том же содействии, должны бы как можно меньше бедствовать от разных существенных лишений, и, в особенности, от невозможности лечиться по неимению средств или по неимению места в больнице».

Конечно же, его предложение властям не приняли. Вероятно, он был неудобен своим юношеским максимализмом (хотя в ту пору приближался к своему 50-летию), требуя от окружающих, чтобы они стремились

жить по евангельским заповедям, не забывая делиться с бедными от своего достатка. Причём напоминал о том долге христианина не только со страниц журнала, но и в частных беседах, и за праздничным столом. И даже в... торжественной кантате, посвящённой 300-летию Саратова, положенной на музыку Экснера, будущего основателя Саратовской консерватории:

*Город бойкий и красивый,
Мир приветный для гостей!
Городхрамами счастливый,
Вот Саратов наших дней!...
Виширь раскинут он*

*и в горы;
Много, много*

*бедных в нём,
Но смягчает бедных горе
Не один богатый дом.*

Кто-то откликнулся, послал для страждущих рубль или два-три рубля, иные же искренне не понимали, для чего столь важный господин самолично ходит по лачугам, выискивает остро нуждающихся в помощи и публикует их адреса с призывом пойти и помочь страждущим. Когда ещё не издавал журнала, осаждал редакции газет, публикуя платные объявления с той же целью: помочь попавшим в тиски нищеты. В первом номере «Братской помощи» рассказывал о нужде потерявшего работу Василия Ивановича Радаева («важно заметить, что Радаев к числу пьяниц не принадлежит»), отца шестерых детей мал мала меньше, у которого «даже самовара, единственного друга бедных, и того нет», проживающего в Глубучевом овраге у Привалова моста. После публикации в журнале откликнулся священник (имени не названо), купил самовар, дал денег, а главное – пристроил старшего сына в заработный дом для обучения ремеслу.

В своей благотворительности Устимович придерживался правила: не корми нищего рыбой, а дай ему удочку, если нуждающийся в помощи не инвалид, не калека, неспособный к труду. Ещё в первом выпуске журнала напечатал своеобразную программу благотворительности: «Лицам, просящим на улице, не подавайте денег. Предложите нищему хлеб, если он голоден. Помогите ему одеждой, если он полунаг, особенно в холодное время. Сведите его к доктору или в лечебницу, если он болен, или купите ему лекарство. Но если вы желаете дать бедняку деньги, не полнитесь посетить его в доме его, и, удостоверясь в его нуждах, помогите ему и деньгами, насколько можете, а если бедняк здоров – постарайтесь приискать ему работу».

Прокопий Адрианович даже спорил со всероссийским пастырем Иоанном Кронштадтским, в беседе с протоиереем высказав «решительное несогласие с ним в том, что нужно давать милостыню всем нищим на улице, за исключением пьяных», объясняя свою позицию тем, что он «враг слепой милостыни, столь потворствующей тунеядству, обману и пьянству и отвлекающей жертвователя от истинных бедняков и скрытых страдальцев». Устимович выступал за, как бы сейчас сказали, «адресную помощь». Сам он или же кто-то из его бла-

готворительной конторы непременно посещали претендентов на материальную помощь и на месте решали, как и чем помочь. Случалось, что и отказывали, даже в журнале печатали о случаях, когда земляки пытались пожиться за счёт генерала (действительный статский советник – в гражданской табели о рангах приравнялся к генеральскому званию). В 1891 году посланный к просителю Василию Ларионову (тот, не обременённый болезнями, жил в собственном доме с бездетною супругою) сообщил, что тому не хватает денег... на табак. Прямо как в известной песне «у них денег куры не клюют, а у нас на водку не хватает».

С первого года издания «Братской помощи» публиковал Прокопий Адрианович статьи о том, как борются с пьянством в Америке, в Европе, сетовал, что у нас в России нет, по примеру Запада, лечебниц для алкоголиков. В 1892–1893 годах не пожалел страниц для публикации иностранных уставов обществ трезвости, начинавших возникать и в нашей стране: в Курской области, в Казани, в Санкт-Петербурге. Видимо, надеялся, что найдутся и в Саратове люди, кои взвалит на себя груз спасения погибающих пьяниц. Не дождался. А потому сам создал общество трезвости, обобщив и дополнив опыт предшественников. «Саратовский дневник» 19 марта 1894 года сообщал: «Цель «Общества» – борьба против пьянства, азартных игр (орлянка, карты, кости и проч.); искоренение: курения табака, сквернословия, грубого обращения с детьми и животными, а также борьба против роскоши, ношения драгоценных вещей, фальсификации съестных продуктов, уличной подачи милостыни, участия в общественных и частных дорогих пиршествах и празднествах, против праздничной торговли, почему члены Общества обязываются в воскресные и праздничные дни не покупать ничего в магазинах (кроме необходимых съестных продуктов)». Как видим, фронт работ предстоял немалый, а первоначально увлёк за собой Устимович всего двадцать девять человек.

Постепенно ряды трезвенников росли. «Покорнейше прошу вас принять меня в члены этого трезвого общества, – обращался к Устимовичу «мастеровой колокольный М.И.» – Я имею желание, насколько можно по своей силе возможности и способности послужить во имя блага отечества безвозмездно, членский взнос я прилагаю на будущий 1896 год три рубля, в действительные члены, а если нужно о личности моей удостоверения, то это я могу доставить, а сейчас я должен вам сказать не в похвалу, что я от дней моего рождения к обществу трезвости принадлежу и по силе возможности ратоборствую против пьянства. Дай Бог, чтобы члены этого общества не на словах, а на самом деле друг друга тяготы носили и тем бы исполняли закон Христов».

А это – очень и очень не просто. Заявление мастерового пришло как раз в тот момент, когда в Обществе

трезвой и улучшенной жизни произошёл раскол, о чём и поведал Прокопий Адрианович в 137 номере «Братской помощи», отвечая мастеровому М.И.: «Деньги переданы по назначению, но я уже с начала декабря не состою председателем общества и его правления. По недосугу вследствие службы своей (был членом судебной палаты в отделе гражданских дел – В.В.) и по слабости здоровья я вынужден был отказаться, а кроме того вижу и знаю, что общество, мною основанное и Вас интересующее, слишком идеальное для населения Саратова и вряд

ли достойно существовать может. Не по Сеньке шапка. Обыкновенное общество трезвости по образцу многих было бы более, может быть, подходяще для Саратовцев. Отчёт наш за первый год (в приложении к № 136, лепта 4-я) более ознакомит Вас с моим взглядом, разделяемом и членами правления, из онаго выбывшими, как и я».

Слишком высокую планку установил Устимович для своих единомышленников. В то время, как другие общества трезвости ставили своей целью «противодействовать чрезмерному потреблению крепких напитков» (Санкт-Петербургское) или же «противодействовать употреблению спиртных напитков среди населения» (Казанское), саратовские трезвенники призывались основателем Общества трезвой и улучшенной жизни, кроме абсолютной трезвости, подавать пример и в других добродетелях. Прокопий Адрианович не играл в карты, а если ему их дарили, по неведению о его убеждениях («Карточная игра – явное обнаружение умственного банкротства. Не будучи в состоянии обмениваться мыслями, люди перебарщиваются картами». А. Шопенгауэр), он приспособливал их под... визитные карточки. Любопытно к ближнему распространялась не только на людей, но и на братьев наших меньших. В декабре 1891 года именно Прокопий Адрианович учредил Саратовское отделение Российского общества покровительства животным, объединив три десятка учредителей, в том числе дюжину ветеринаров, привлёк к работе и епископов, православного и католического, избрав девизом общества слова: «Благжен иже и скоты милует».

Человек должен миловать и скотов, а главное – стремиться самому не скатываться к скотскому положению, жить высокой духовной жизнью. А что есть духовная жизнь, у Прокопия Адриановича имелось своё мнение, отличное от общепринятого. В то время, как и простонародье, и господа тешили свою гордыню, праздную именины, Устимович не устал повторять: «Именины обратились у нас в какой-то языческий праздник, служа лишь предлогом для того, чтобы больше выпить вина, больше есть, больше хохотать и суесться на все лады». Что же делать? Он рекомендовал «православным, хотя бы во имя чтимого Святого своего, ознаменовать празднество иманин добрым делом в утешение хотя одной семьи безпомощной или одного очень нуждающегося и страждущего человека».

Конечно же, своими настойчивыми напоминаниями о христианском долге нашёл себе врагов. Даже в той среде, откуда и не ожидал подвоха: священник Алексей Матюшинский обвинил его в... сектантстве на том основании, что «Братская помощь» носила межконфессиональный характер. Рядом с православными авторами соседствовали представители баптистов: Е.В. Кирхнер, В.Г. Павлов, М.А. Сторожев, И.А. Голяев, евангельский христианин М. Штейнбрехер,

толстовец И. Файнерман. С течением лет рядом с названием журнала – «Братская помощь» – появлялись дублирующие – на английском, немецком, еврейском языках: Устимович звал к всемирному братанию, как и положено истинному христианину. А о том, что священник А. Матюшинский ошибался, причислив Устимовича к лютеранам, говорит тот факт, что первым на призывы Прокопия Адриановича поддержать журнал откликнулся епископ саратовский и царицинский преосвящённый Павел, благословив издание «Братской помощи» и внося сто руб-

лей для почина благотворительности бедным.

С непониманием альтруизма сталкивался не только наш саратовский Донкихот, но и его товарищи. Так, его соученик по училищу правоведения Алексей Васильевич Белостоцкий, возглавив Санкт-Петербургское общество трезвости, вынужден был сложить с себя полномочия «по поводу неприятностей, созданных одним должностным лицом, который будто бы служит не только обществу, от которого получает разъездные, сколько трактирщикам, – горевал о товарище Устимовиче и восклицал: – Беда, что такие лица успевают ещё партию подобрать себе. И это в Петербурге!? Не может быть».

В горестях и печалях поддерживала его супруга Софья Александровна, одна из восьми директрис Дамского отделения Губернского правления попечительства о тюрьмах (возглавляла комитет попечительства губернаторша). Жили Устимовичи в доме Недоноскова на углу улиц Малой Сергиевской и Александровской (ныне Горького и Мичурина), а на противоположном углу располагалась редакция журнала «Братская помощь», в доме Шомбурга. На страницах журнала упоминается их дочь, проживавшая в столице. Вероятно, в 1896 году Устимовичи покинули Саратов, уехав в Вильно. Саратов обеднел на одного неравнодушного гражданина, подписывавшего свои стихотворные произведения псевдонимом Полтавин (в память отца-полтавчанина и своего полтавского хутора Ветхаловка близ города Гадяч, куда он уезжал на лето), а прозаические публикации – словом Брат. Умер Прокопий Адрианович в 1899 году, немного не дожив до открытия в Саратове лечебницы для алкоголиков, о которой так ратовал, но успев порадоваться за трезвенников, обзаведшихся собственным театром и просвещавших народ в многочисленных чайных-читальнях. Всё-таки высоко поднятая им планка при учреждении Общества трезвой и улучшенной жизни сыграла свою роль по принципу «хочешь достичь многого – требуй невозможного». И его соратники, вкупе с трезвенниками всей России, добились не только многого, но и невозможного: в 1914 году Россия отрезвела. Нам пример, нам укор, и – тот рубеж, к которому нужно стремиться.

«Кто шёл
среди множества путей
Путём труднейшим –
человека,
Тому, кто твёрд
на сем пути,
Дай Бог вперёд,
вперёд идти», –
подводил итоги прожитого в день своего пятидесятилетия Прокопий Адрианович, а на каменных гранях его памятника на могиле (похоронен он на Всехсвятском кладбище Курска) земляки высекли строки его стихов: *Пока кто живёт
Пусть тот живёт
Свободной жизнью
без запрета.*

Но пусть он Родине несёт
Не пыль с дорог,
А искру света.

Владимир ВАРДУГИН

«Саратовский листок» 4 октября 1887 года в разделе «Смесь» опубликовал «рецепт» избавления общества от пьянства, те рекомендации, не выполненные до сих пор, нисколько не устарели.

РЕЦЕПТ ТРЕЗВОСТИ 1887 ГОДА

«Международный гигиенический конгресс, обсудив вопрос о средствах борьбы с алкоголизмом, пришёл к следующим выводам:

- 1) вред от злоупотребления спиртными напитками доказан во всех культурных государствах и последствия его можно найти в заведениях для душевнобольных, в тюрьмах и рабочих домах. Отсюда важной задачей для гигиены является борьба с этим злом, наносящим материальный и нравственный вред семье и обществу;
- 2) частная инициатива в этой борьбе могла бы выразиться в объяснениях значения и вреда от алкоголя (общества трезвости) и в замене спиртных напитков более дешёвыми и здоровыми напитками (народные кофейни, чайные, в которых исключалось бы употребление каких-либо горячительных напитков), в удешевлении здоровой пищи, в улучшении жилищ рабочих, народных столовых, в развитии сберегательных касс, в устройстве заведений для лечения от пьянства;
- 3) инициатива государства могла бы выражаться в установлении высокого налога на напитки, в заботах о наибольшем очищении водок, в строгом надзоре за питейными заведениями, в преследовании публичного пьянства;
- 4) желательно устройство в сумасшедших домах особых отделений для страдающих запоем;
- 5) успешность борьбы, достижимая лишь при совместном действии указанных мер».

Судя по тому, что происходит ныне в нашей стране, она – отнюдь не культурная. Не потому ли и в год культуры во многих музеях, библиотеках, Дворцах культуры и клубах после разного рода мероприятий, а то и во время оных, посетителей угощают теми самыми горячительными «напитками», о которых международный гигиенический конгресс высказался недвусмысленно, назвав их вредными, а последствия их употребления призвал искать в заведениях для душевнобольных, в тюрьмах».